

КАРИНА
ВОЛОДИНА

Тышь
Безродного

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Иллюстрация на обложке *Valentine*

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Володина, Карина Сергеевна.
В68 Путь безродного / Карина Володина. — Москва :
Эксмо, 2026. — 448 с.

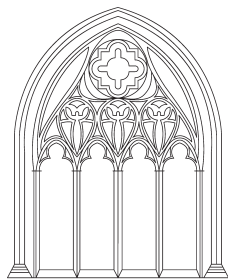
ISBN 978-5-04-250414-3

Тёмные ритуалы, тайны рода Даскалу, подозрительные мотели с не менее подозрительными постояльцами и расследование, которое перевернёт жизнь героев с ног на голову, — Алин, Листер и Нила отправляются в охотничий роуд-трип по мрачной и непредсказуемой Трансильвании в поисках похищенного Ферки. Смогут ли они сыграть с загадочным вампиром по своим правилам — и остаться в живых?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250414-3

© Володина К., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

«КРАСНЫЙ ДВОРИК»

Телефон вибрирует без остановки. В машине, пробиваясь сквозь ревущий из стереосистемы румынский рок, сна-ружи, в такт захлопывающимся дверям, не успокаивается он и внутри скромного придорожного мотеля, заигрывающего как с американской традицией отделки «остановись на одну ночь и будь благодарен, что нет тараканов», так и с новодельной «вампирской» готикой дешёвого европейского образца для туристов.

Меня зовут Алін Фунáр, и я — потомственный охотник на вампиров. В обозримом будущем. Пока я только гордый обладатель широко известной в узких кругах родословной, прибывший к... возможному расположению одного из тех самых вампиров. Да, на этот раз история срывается сразу с места в карьер. Никаких разглядываний охотничьих академий, разрушающихся под тяжестью времени и внушительного чувства собственной значимости директора. Никаких встреч с пресловутым директором, будущими однокурсниками, никаких косых взглядов на всех подряд моей сестры... Директор и однокурсники, как и моя сестра, как и вся моя семья, узнали о моём внезапном изменении планов на летние каникулы пару часов назад — вот почему связаться со мной сейчас, судя по ощущениям, пытается половина Румынии,

большая часть остального Евросоюза и наша солидная американская диаспора.

Я бегло проверяю телефон.

«АЛИН, ЭТО НЕ СМЕШНО», — вижу я мгновенно сообщение от Тóмы. На самом деле Тома могла бы больше ничего не писать: все пятьдесят с лишним её сообщений придерживаются примерно той же мысли и риторики. Разве что слегка меняются степень накала страстей и выбор регистра букв: от поразительно нейтрального «Алин, перезвони мне, пожалуйста» до яростного «АЛИН, Я НЕ ЗНАЮ, О ЧЁМ ТЫ ДУМАЕШЬ, НО КЛЯНУСЬ БОГОМ, ЕСЛИ ТЫ НЕ ОТВЕТИШЬ НА ВСЕ МОИ ВОПРОСЫ СЕЙЧАС ЖЕ, Я УЗНАЮ, ГДЕ ТЫ, И ТВОЙ ЧЁРТОВ ЛИСТЕР ПОЖАЛЕЕТ, ЧТО ВООБЩЕ РОДИЛСЯ НА СВЕТ».

Я могу понять её возмущение, но почему гнев небес обрушится именно на Листера, остаётся для меня загадкой. Кажется, я ясно дал понять маме (единственной, за исключением, может быть, Ивóны, чей разговор со мной не превратился бы в трагикомедию в лучших традициях древнеримского театра), что решил отправиться на некую загадочную «летнюю стажировку по сбору ингредиентов для охотничьей сыворотки с мастером Даска́лу» исключительно по собственной инициативе и велению сердца.

Сам мастер Даскалу, впрочем, посмотрел на меня после этого разговора как на полного идиота.

«Серьёзно, Алин? — только и спросил он. — И это лучшее, что ты придумал своей гениальной Фунарской головой? Воистину, я зря не хотел брать тебя с собой. Судя по текущей демонстрации твоей смекалки, столкновение с вампиром тебе не грозит — ты просто пройдёшь мимо него и попытаешься загнать в Кровавик какого-нибудь бедного бармена в этом чёртовом «Красном двореке». Да, если что, они все носят накладные клыки. Рабочий дресскод. Ты уж попридержи себя, не хватайся за клинки с порога».

Да, возможно, в моей легенде есть пара логических дыр. Или не пара.

Во-первых, «мастер Даскалу», несмотря на все его юридические разногласия с семьёй, должен был буквально помешаться, чтобы согласиться взять меня на «сбор ингредиентов для охотничьей сыворотки»: её рецепт — тщательно охраняемый секрет, известный только самим Даскалу и узкому кругу доверенных лиц, участвующих в её производстве, и ни один Фунар в их число не входит.

Во-вторых, я даже не знаю, занимается ли этим священным сбором сам Листер. Может, он просто получает сакральное сырьё для своих экспериментов через третьи руки.

В-третьих, я никогда не проявлял к сыворотке особого интереса — ни к процессу её создания, ни, боже упаси, к процессу применения. Это можно легко проследить по кое-как натянутому мне Листером «удовлетворительно» по смежному предмету — на том экзамене я уж точно не блистал.

В-четвёртых, в академии нет «летних стажировок».

Или практик.

И вообще ничего, связанного с тремя единственными канникулярными месяцами.

И наконец, в-пятых: даже если бы удивительным образом выстроились в один безумный ряд все звёзды, даже если бы Листер действительно сошёл с ума, пригласив меня на собственноручный сбор... неизвестно чего (боже, я даже не знаю, нужно ли это собирать), начав на все родовые тайны, мои скромные познания в предмете и то, что все совместные выезды с инструкторами ограничиваются исключительно учебным годом, — даже если бы Листер решил таким образом подтвердить свою репутацию экстравагантного сумасброда, все, кто меня знает, сошлись бы в одном: я бы никогда в жизни не согласился на подобное и уж тем более не уведомил бы всех за пару часов до отъезда в бухарёстский аэропорт, откуда мне предстояло наконец-то вылететь в родную Луизиану.

Почему же я не придумал что-то поизящнее?

Да потому что мне уже было плевать. Да и сейчас, в общем-то, плевать.

Плевать, что подумает Тома. Отец. Лазарёску, с которым, я уверен, успел связаться отец — и который, я уверен, даже не в курсе, что я покинул территорию академии. Отец с мастером Хэнриком в красках продемонстрировали своё отношение ко мне во время нашей великолепной встречи в Кровавике — Тома... снова захлебнётся в ярости, недоумении, разочаровании и попытках вернуть меня на путь истинный всеми возможными способами. В основном, конечно, свирепыми сообщениями в мессенджерах. Выходила ли Тома из этого состояния хоть раз за последние месяцы? Возможно — когда, например, отправила ненавистного ей Фёрку в больницу на охотничьих смотрах. После них, в кабинете директора, она выглядела вполне довольной.

Пожалуй, единственные, чьи мысли меня волнуют, — это род Даскалу. К чьему теоретическому (но, к счастью, не фактическому) наследнику я так самовольно записался на сбор ингредиентов на неопределённый летний срок.

«О, да брось, Алин, — поморщился Листер. — Мой отец считает идиотами всех, и мы с тобой не исключение, но в эту чушь он не поверит ни за что. Конечно, его заинтересует, зачем я прихватил с собой Фунарского принца, учитывая, что летом я охочусь в одиночку и никогда не беру с собой студентов... Но это уже его вопросы ко мне — на твоём месте я бы лучше поразмыслил, как прикрутить к твоей бесколёсной телеге низкокачественной брехни хоть одно колесо, чтобы она могла худо-бедно функционировать. Иначе далеко ты не уедешь, и твоё путешествие имеет все шансы закончиться... скажем, следующим утром. Или сколько там нужно времени, чтобы добраться бизнес-классом из Луизианы в Бухарест?»

Красный «Порше» Листера уже припаркован у «Красного дворика». Красные шнурки на охотничьих ботинках, красное марево дешёвых пластиковых наддверных фонарей-горгулий в свежих лужах, красная неоновая вывеска над входной дверью — «Мотель-кафе» и, зачем-то, ещё две отдельные, но такие же красные и неоновые: просто «Кафе» на самой двери и «Мотель», протянувшаяся через весь второй этаж между номерами. И, конечно же, само название этого замечательно-

го заведения, «Красный дворик», прилепленное объёмными световыми буквами уже на крыше. Всё это как-то...

...как будто мы приехали сюда не по подсказке загадочного вампира, затеявшего со мной, по словам Листера, смертельную игру, а для съёмок малобюджетного студенческого фильма, чтобы хоть как-то закрыть накопившиеся за семестр прогулы. Здание выглядит слишком нелепым в своих попытках отдать дань румынскому колориту (закрывающемуся для туристов, судя по дизайнерским решениям владельца, исключительно в наличии в Румынии вампиров) и в то же время не отпугнуть тех, кому действительно нужно просто переночевать. Оно словно создано для филлерных эпизодов американских подростковых сериалов, в которых герои останавливаются на выездной экскурсии в некоем *загадочном странном отеле*, и в нём начинают происходить некие *загадочные странные вещи*. Я не удивлюсь, если за стойкой нас встретит *загадочная странная старушка*, на стенах второго этажа будут висеть *загадочные странные портреты*, датированные разными годами, но изображающие одну и ту же женщину, *странно похожую* на пресловутую старушку, а...

— Алин. — Листер оборачивается через плечо. — Ты идёшь или как? Нет, я только за, если ты наконец понял, какой хернёй страдал всё это время, и просто не знаешь, как деликатно попросить меня отвезти тебя в аэропорт... Кстати, ты всё ещё успеваешь. Если я нарушу пару правил дорожного движения, за которыми здесь один чёрт никто не следит, у тебя даже будет время побродить по дьюти-фри в поисках примирительных презентов для папы Фунара и маленькой Томи.

Листер уже стоит у входа, и кровавое сияние неона со всех сторон причудливо падает на его лицо, словно он решил надеть соответствующую случаю маску. На нём неизменная коричневая охотничья куртка, в глазах — неизменная насмешка, а горло даже не прикрыто водолазкой, которая должна скрывать защитный нашейник, — да его и нет, этого нашейника. Как нет и смены алой шнуровки на ботинках на обычную чёрную — стандартная мера предосторожности

для потомственного охотника, действительно выехавшего в поле. Конечно, не все полнокровные вампиры разбираются в тонкостях цветового этикета нашего ремесла, а цветной шнуровкой в наши дни никого не удивишь, но это просто хороший тон.

— Листер, — говорю я. — Я очень надеюсь, что это не очередной фарс ради фарса. Ты не избавишься от меня, просто привезя не в то место.

— А жаль, — отвечает Листер. Нетерпеливо барабанит пальцами по грубому дереву почему-то зелёной двери. А как же красный? — Но место то самое, можешь не сомневаться. Хотя нет, лучше посомневайся, вот прямо здесь — я как раз спокойно зайду, спокойно со всеми поговорю, спокойно узнаю, что же приготовил для тебя твой замечательный вампир...

— С чего ты взял, что нам нужно именно сюда? — задаю я вопрос, который задавал уже не раз и не два. — Если это сеть мотелей... закусовых... кафе... «мотелей-кафе»... тогда почему ты выбрал именно эт...

Листер закатывает глаза и распахивает дверь, не тратя больше на меня ни слов, ни времени.

Вместо звонка дверь издаёт долгий, явно предзаписанный стон, смутно напоминающий вой то ли ветра, то ли волка. А может, хозяин решил, что так звучат горгульи, которых он столь щедрой россыпью разместил и над этим входом?

Мне приходится ускорить шаг, чтобы не остаться на парковке в одиночестве: ждать меня Листер определённо не собирается.

Ничего загадочного внутри не оказывается. Никаких старушек за стойкой регистрации — да и вообще никаких намёков на эту возможную регистрацию.

Зато фарса, которого я так опасался, в избытке.

Кафе — а мы попадаем именно в кафе, «мотелем» здесь и не пахнет — лениво встречает нас тусклым красным светом единственной утопленной в потолке лампы. Лампа не очень-то и старается, и в сгущающихся вечерних сумерках

открывшийся нам интерьер можно было бы назвать зловещим — если бы он не был всё так же несочетаем с самим собой и даже с молодым человеком, немедленно вскидывающим на нас глаза от кассы.

— Добрый вечер! — говорит молодой человек по-английски и почти без акцента. — Добро пожаловать в «Красный дворик», дети ночи!

О боже.

Во рту молодого человека действительно фальшивые вампирские клыки, но пугают они не натуральностью, а размером и материалом — это явно дешёвый пластик, норвящий вот-вот вывалиться у юноши изо рта из-за своих титанических габаритов. Волосы юноши, как и всё вокруг, тоже, кажется, никак не могут определиться, что же они из себя представляют: тонна вылитого на них средства для укладки где-то зализала их приглаживающей волной, где-то, наоборот, взбила девятым валом, а где-то попыталась изобразить элегантный мягкий гребень.

Ещё молодой человек в чёрном фраке с подметающим пол плащом — из тех, что покупают в последнюю минуту на «Амазоне», когда тебя внезапно зовут на вечеринку в честь Хэллоуина, а твой прошлогодний костюм мал или пришёл в негодность.

Я рассеянно скольжу взглядом по сторонам.

Кафе обставлено в лучших традициях... кафе. Этакая американская придорожная забегаловка, в которые мы нередко заходили с Томой во время наших самостоятельных вылазок на родине — и которые я никак не ожидал увидеть в Европе. С одной стороны — длинная барная стойка с высокими табуретами, с другой, там, где должны располагаться по какой-то причине отсутствующие окна, — ряд красных кожаных диванов, каждый со своим прямоугольным пластиковым столиком. Я даже замечаю в углу музыкальный аппарат.

Однако всё свободное пространство на стенах занято не ретро-постерами, поддерживающими эту атмосферу сладкой американской ностальгии, а огромными, вполне современными плакатами на всё ту же готическую тематику — раз-

меется, с преобладающими вампирскими клыками, плащами и сочными векторными брызгами крови.

Да и мебель, если присмотреться, тоже поражает воображение.

Искусственная кожа диванов испещрена наклейками-«прорезями», не слишком искусно имитирующими пробившуюся из полос «когтей» желтизну поролонового наполнителя. Пластик столов гордо красуется принтом дубового дерева. Музыкальный аппарат тоже покрыт какими-то наклейками, подозрительно напоминающими очертания летучих мышей. На маленьком телевизоре над головой у юноши во фраке рассказывает чёрно-белый Дракула, а ещё один Дракула, уже ростовой, стоит у начала ведущей на второй этаж лестницы.

— Листер, — цежу я.

— Бунэ сеара¹, — очаровательно улыбается Листер юноше. — Хэллоуин пе тот паркурсул анулуй, а?²

На лице юноши появляется странное облегчение.

— Ну май спунець³, — выдыхает он — и больше не произносит ни слова по-английски.

Юношу зовут Дариус, ему двадцать пять, и он работает в этом чудесном месте уже семь лет. Звучит жутковато — гораздо жутче, чем все дизайнерские ухищрения владельца «мотеля-кафе».

Этот «Красный дворик» находится в получасе езды от замка Бран — в неких «туристических буклетах», которые упоминает Дариус, даже утверждается, что со второго этажа можно разглядеть очертания самого замка, но Дариус категорически заявляет, что это ложь. Ну, может быть, в бинокль. В очень хорошую погоду. И с какого-нибудь другого второго этажа, потому что со стороны мотеля замок вообще-то надёжно закрыт горой.

¹ Bună seara. — Добрый вечер (рум.).

² Halloween pe tot parcursul anului, а? — Хэллоуин круглый год, а? (рум.)

³ Nu mai spuneți. — И не говорите (рум.).

В общем, ушлый хозяин — вернее, хозяйка, которую Дариус называет «домнишо́ара Рётсилл» и никак иначе, — решил извлечь из местоположения мотеля максимум пользы.

— У нас много тематических заведений, — без особого энтузиазма говорит Дариус. — И большинство из них с каким-нибудь... подвывертом. Прямо у Бра́шова у нас «Чёрный дворик», в честь Чёрной церкви. Ну, вы, наверное, знаете, что это такое. Ещё у нас есть «Весёлый дворик», рядом с Весёлым кладбищем, недалеко от Сэпынца. А ещё...

Этот «Дворик», естественно, посвящён вампирам — как, в сущности, и с удовольствием эксплуатирующий эту тематику замок Бран, где якобы жил Влад Цепеш, якобы бывший вампиром.

— Домнишоара Ретсилл выступает за продвижение румынской культуры, — заученно объясняет нам Дариус. — И делает всё возможное, чтобы подарить нашим гостям незабываемые впечатления и усилить эмоции от достопримечательностей, которые они только что посетили или планируют посетить. К сожалению, у нас сейчас небольшие проблемы с «Монастырским двориком» возле монастыря Хорезу из-за недопонимания со стороны Рымникской епархии и с «Двориком Чаушеску» под Бухарестом из-за... скажем так, отсутствия чувства юмора у некоторых социальных групп... Да и этот «Дворик» на самом деле не «Красный», а «Кровавый», но мы пока не можем изменить название во избежание путаницы — в километре отсюда уже есть другой «Кровавый дворик». Впрочем, домнишоара Ретсилл говорит, что он скоро обанкротится, она уже работает над этим.

Дариусу явно очень скучно: судя по катастрофическому отсутствию не только посетителей в кафе, но и машин на парковке, гениальное детище не менее гениальной домнишоары Ретсилл дышит на ладан. Не знаю, как обстоят дела с «Двориком» конкурентов, но кажется, что на грани разорения далеко не он.

— Мы ищем... — начинаю я, уже слегка устав от перечисления всевозможных «Двориков» и их связей с культурными жемчужинами Румынии.

И замолкаю буквально на секунду — просто доставая из куртки телефон, чтобы показать Дариусу фотографию Ферки.

— ...Комнату на пару ночей, — мгновенно договаривает за мной Листер, продолжая озарять Дариуса ослепительной улыбкой. — Начнём с одной, закончим, возможно, целой неделей — кто знает? Но сейчас мы хотели бы просто переночевать. Здесь же есть свободные комнаты, верно?

И тут я запоздало понимаю ещё одну вещь: Листер не подсывороткой. Не в статусе вампира, хотя, казалось бы, сыворотку он использует даже во время тренировок с нашим дружелюбным вампиром Константином, самым мирным и доброжелательным из всех известных мне малокровников.

Нехорошее предчувствие во мне усиливается.

— Я бы всё-таки хотел спросить... — упрямо цежу я.

— Я проверил цены на сайте, Алин, не волнуйся, — вновь вставляет Листер, даже не взглянув на меня. — Нам подойдёт любой вариант. Но мы были бы очень признательны за угловой. Или любой с окном — я заметил, что в некоторых домнишоара Ретсилл решила окнами пренебречь. Очень аутентично. Настоящий средневековый замок — только бойниц не хватает.

— Угловой... — бормочет Дариус. — С окнами... Свободные комнаты... Да, да, надеюсь, что-нибудь найдётся. Понимаете, у нас сейчас аншлаг, всё забито, боюсь, что комнат может и не быть...

Дариус возится с телефоном, что-то быстро там проматывая, зарывается свободной рукой в волосы, превращая их в нечто ещё более невероятное, чем они были. Отросшие чёрные корни, выцветшая неопрятными пятнами зелёная краска — где-то совсем светлая, где-то почти сохранившая первоначальный оттенок. Почему-то эта неопрятность сразу напоминает мне о Ферке — и я не выдерживаю.

— Вы видели этого человека? — сую я телефон Дариусу прямо под нос, вырывая руку из хватки Листера и перегибаясь через стойку. — Его зовут Ферка. Ферка Вульпе. Вероятно, он был здесь не один. Возможно, не в самом лучшем

состоянии. Вот ещё одна фотография, здесь лучше видно его лицо. Он был здесь?

Дариус моргает несколько раз. Растерянно щурится. Зачем-то отходит от моего телефона на шаг, присматриваясь. Затем шагает обратно.

— Он?.. — неуверенно тянет Дариус. Смотрит на меня с обезоруживающим чувством вины в глазах. — О, домнўле, понимаете... здесь сейчас много молодёжи. И все они примерно... такие. Ну, знаете, с длинными волосами, в белых рубашках... и не только рубашках...

«О чём, чёрт возьми, ты говоришь? — чуть не перебиваю его раздражённо я. — Какой аншлаг, какая молодёжь? Где — может, они все на втором этаже, вместе со своими машинами? Или ваша благословенная домнишоара Ретсилл устроила здесь подземную парковку?»

Дариус, видимо, читает все эти вопросы в одном моём взгляде.

— У нас же ежегодная летняя вампирская конвенция, — поясняет он с лёгким смущением — но и с некоторой гордостью в голосе. — Ну, не совсем у нас, в Брашове, но мы являемся официальными партнёрами мероприятия. Большинство посетителей останавливаются в нашем «Дворике», не смотрите, что парковка пустует, — они возвращаются позже, к ночи или к утру. Вампирская конвенция же не может проходить днём, верно? А те, кто не на конвенции, ещё не приехали с охоты.

— На кого?.. — моргаю я.

— На животных, — отвечает Дариус озадаченно. — На кого же ещё? В основном на медведей. Здесь много медведей. И серны, но они менее популярны.

— Разве в Румынии не запрещена охота на медведей? — только и спрашиваю я.

В глазах Дариуса мелькает опасение.

— О... э... вы подумали, что я говорю о настоящей охоте, домнўле? Нет, нет, нет, я имел в виду фотоохоту.

— С фоторужьями, — понимающе кивает Листер. — Алин, ну что за негативное мышление? Ни один медведь не

пострадает — уверен, домнишоара Ретсилл позаботилась и об этом.

— Да, да, — с облегчением кивает и Дариус. — Фоторужья. Исключительно фоторужья. Знаете, боюсь, к сожалению, я только что проверил, и свободных комнат н...

— Мы и сами своего рода охотники, — перебивает его Листер с такой всепоглощающей лаской и дружелюбием, что у меня сводит зубы. Впрочем, сладкая патока в голосе не мешает Листеру вцепиться в моё запястье предупредительным железным хватом. — Фотоохотники, конечно же. И фоторужья тоже с нами, если вы понимаете, о чём я, Дариус. Правительство иногда придумывает такие нелепые законы — ну зачем им эти медведи, правда? Агрессивные, грубые, опасные животные. Так и хочется их... сфотографировать.

— О. — Дариус заметно расслабляется. — Ну, если вы тоже *фотографы*, думаю, я могу ещё раз проверить номера — всё-таки места у нас действительно замечательные, и ваши коллеги не зря приезжают сюда уже много лет подр...

— Не поздновато ли для фотоохоты? — интересуюсь я. — Кажется, вот-вот стемнеет окончательно. Или наши *коллеги* — адепты ночной фотосъёмки?

Дариус напрягается вновь. Листер сжимает мою руку так, что на ней наверняка останутся следы от его ногтей, — но я просто снова её вырываю. Поклонники вампирской культуры, все испарившиеся в мгновение ока, как только тут оказались мы. Местные браконьеры, до поздней ночи устраивающие засады на медведей — и тоже исчезнувшие в лесу без единого намёка на пребывание здесь. Очень интересный, разношёрстный и при этом обладающий поразительно общими биоритмами контингент. Я не верю в существование ни первых, ни вторых.

— В лес есть только один съезд, домнуле, — натянуто улыбается Дариус. — И выезд тоже только один. Очень длинный. Наши гости, должно быть, как раз в пути. Позвольте мне... — Он опять утыкается в телефон, делая вид, что что-то проверяет, но я вижу, что он даже не перешёл с экрана за-

ставки. — О, какая жалость — последний номер забронировали прямо сейчас.

— Алин, — говорит Листер с обманчивой мягкостью. — Кажется, я оставил бумажник в машине. Ты не мог бы за ним сходить?

— Номеров нет, домнуле, — быстро говорит Дариус. — Сожалею, но, боюсь, бумажник вам не понадобится. Могу порекомендовать вам «Чёрный дворик» в Брашове — это недалеко, вы доберётесь туда всего за...

— Мы в любом случае воспользуемся услугами кафе, раз уж нам недоступен мотель, — мягко мурлычет Листер. — Немного перекусим, прежде чем отправимся в путь... Если этот путь вообще будет. Почему-то мне кажется...

— Да, почему-то мне тоже кажется, что... — хмуро начинаю я.

Листер прожигает меня даже не предупреждающим — уничтожающим взглядом.

— Любит поболтать, — поясняет он Дариусу, стискивая моё запястье в третий раз. Теперь вырваться я не могу, как ни стараюсь. — Вот только болтает о всякой ерунде... *Алин, ты вышвырнешься отсюда сейчас же и не вернёшься, пока я сам за тобой не выйду. Ты меня понял?*

— *Нет*, — огрызаюсь я тем же еле слышным шёпотом, которым шипит мне на ухо Листер.

И на шёпоте Листер не останавливается, начиная волочить меня к выходу.

— *Нет*, — повторяю я упрямо, пытаюсь сбавить темп. — *Ты что, не видишь, что, чёрт возьми, здесь происходит? Хочешь просто снять тут комнату, лечь в кровать в форме гробика и проснуться в настоящем гробу, потому что какой-то полнокровный ублюдок высушил тебя досух...*

— О, я крайне хочу снять тут комнату именно из-за того, что исключительно хорошо вижу, «что, чёрт возьми, здесь происходит», — парирует Листер, и с приглушённым горгульим стоном распаивает перед моим лицом дверь.

— Подыши свежим воздухом, — бросает Листер и выталкивает меня наружу. — И, кстати, в гробах не просыпа-

